

Глава 38. Горные будни

Ярмарка осталась позади, и для Лу Лю вновь потянулись спокойные дни в горной обители.

Ли Фэн захотел каши из глиняного горшочка, поэтому Лу Лю, когда вечером кипятил воду, подбросил в очаг побольше дров. На ночь он поставил кашу томиться, добавив в неё мелко нарезанный имбирь и мясной фарш. Утром, едва переступив порог кухни, он сразу почувствовал густой, аппетитный аромат.

У такой каши был особый дух — с легкой ноткой пригари, напоминающей рисовую корочку со дна котла, но куда более нежной и тягучей. Запах был мягким, обволакивающим, лишенным резкости.

Огонь в печи разгорелся не на шутку, и часть риса прикипела к стенкам горшка, образовав плотные поджаристые пласты.

Лу Лю не привык разбрасываться едой. Он переложил готовую кашу в миску, а в горшок налил горячей воды и оставил его на краю плиты отмокать.

Закончив с утренними делами и разобрав покупки с ярмарки, он вернулся к горшку. Корочки размякли, и когда он вылил их в чашку, получилась ещё одна порция каши.

Пусть она была жидковатой, а рисовый вкус — едва уловимым, Лу Лю с удовольствием съел её вприкурочку с соленьями и лепешкой. Так и прошел его завтрак.

Ещё на второй день после свадьбы Лу Лю прибрал весь дом сверху донизу. Поэтому, когда Ли Фэну понадобились бумажные цветы из красной гофры, юноша, недолго думая, сразу вспомнил, где они лежат.

Цветы нашлись в сарае, спрятанные под несколькими пустыми бамбуковыми корзинами — так их не засыпало пылью.

От пыли-то они убереглись, а вот от сырости — нет. Эти украшения делали из красной бумаги, и хоть они были куда дешевле и практичнее шелковых, портились они гораздо быстрее.

Лу Лю аккуратно вынес их во двор и разложил на большом сите, чтобы они расправились под лучами солнца.

В деревнях на свадьбах обычно использовали именно такие бумажные цветы. Некоторые семьи и вовсе обходились без них: просто выбирали погожий денек, забирали невесту или супруга в дом, объявляли соседям — вот и вся свадьба.

Пир с гостями закатывали редко. Это было уделом богачей.

От супруга Яо он слышал, что в последнее время в деревне многие справляли свадьбы, но самым пышным торжеством было венчание Ли Фэна. На втором месте шел Сань Мяо: к празднику Лаба начали готовиться за целый месяц.

У других тоже было шумно, с музыкой и песнями встречали новобрачных, но угощение обычно накрывали всего на один-два стола — только для самых близких родственников. Соседей звать было не принято.

За этим разговором супруг Яо вкратце поведал, почему супруг Чэнь так невзлюбил Лу Лю.

— Твоя свекровь сама сосватала его в нашу деревню. Раньше он был таким заносчивым! Выкуп за него взяли двенадцать лянов, три стола гостей собрали. А раз Да Фэн ему названным братом приходится, так он и вовсе нос задрал. Едва переехал, сразу начал тут порядки наводить, наобещал всем с три короба. А твой Да Фэн не стал за него дела обстряпывать, вот тот лицо и потерял. И тут, не успело время пройти, ты в дом вошел. Посмотри на вашу свадьбу — она же во всем его превзошла! Хоть вы оба из деревни Чэньцзявань, но ты-то в уезде вырос, не чета ему, деревенскому парню. Вот его и жаба душит. Стоит ему тебя увидеть, пары слов не скажет, а уже от злости на месте подпрыгивает.

Супруг Чэнь приходился племянником Чэнь Гуй-чжи по старшему брату, так что родство было близким.

Партию ему подобрали неплохую — он был постоянным напарником Ли Фэна по охоте, они считались добрыми друзьями. Так что на предстоящий пир супруг Чэнь тоже собирался прийти.

Лу Лю, размышляя об этом, почувствовал легкую тревогу.

Он совершенно не умел ругаться. А ведь это будет радостный день свадьбы... Если супруг Чэнь решит придирается к нему, что же делать?

«Эх...»

Лу Лю выставил бумажные цветы на солнце, а чтобы их не унесло ветром, накрыл сито сетчатым колпаком. Теперь, как бы ни дуло, украшения оставались на месте.

Такие сетки были в каждом доме. В лесистой местности птиц водилось видимо-невидимо, и без защиты они мигом склевали бы и зерно, и лесные дары, и даже сушеное мясо.

Управившись с этим, Лу Лю пошел кормить кроликов.

Эр-хуана кормить не пришлось — Ли Фэн накормил его ещё на рассвете.

Кролики чувствовали себя прекрасно, их шерстка стала куда мягче и чище. Зверьки уже привыкли к собачьей конуре, и когда Лу Лю заходил к ним, они даже не пугались, а лишь преданно ждали еды.

Но была одна беда: кролики ели, пили и справляли нужду прямо в конуре. Они сидели в клетках и не могли выйти, из-за чего в жилище Эр-хуана поселился едкий запах. Конура стала совсем на себя не похожа.

У бедного Эр-хуана даже невесты ещё не было, а его дом уже превратили в такое непотребство. Лу Лю стало совестно перед псом.

Он перенес клетки с кроликами в загон к мулу, а сам принялся вычищать конуру. Вся старую солому он выгреб, принес свежую и тоже разложил на сите просохнуть. Когда она прогрелась на солнце, он застелил её Эр-хуану.

Пес радостно поскуливал, крутился вокруг Лу Лю и вилял хвостом, а в его круглых глазах светилось неподдельное счастье.

«Какой же ты славный пес».

На обед Лу Лю перекусил на скорую руку: зачерпнул ложку солений, размял застывшие зернышки вчерашнего риса и поджарил их.

Обед Эр-хуана был куда богаче. Для него Лу Лю почистил рыбки потроха, добавил свиных субпродуктов, немного потушил и засыпал мелко нарезанной зеленью. Хоть люди и не ели досыта, пса обделять не стали — для него специально приберегли немного бурого риса. Лу Лю промыл пару горстей и бросил в котел.

Ещё он хотел помыться. Пока еда для собаки остывала, он нашел в доме большую ванну и, ухватившись за края, потихоньку вытащил её наружу, собираясь нагреть воды и хорошенько её отдраить.

Ли Фэн, живя один, редко пользовался ванной.

Если бы не женитьба, он бы и обтирался-то нечасто.

По его словам, те, кто годами бродит по лесам, давно привыкли к грязи. Даже сыпь или прыщи от невытого тела он мог терпеть, не обращая внимания на зуд.

В горах это было сущим пустяком. Куда важнее чистой кожи для охотника были чистая вода

для питья и сухая одежда.

Если кто-то случайно падал в воду, то, за исключением лета, в любое другое время года охотники предпочитали сразу возвращаться домой.

Горная вода коварна, после такого купания легко заболеть. К тому же мокрая одежда тяжелеет и сковывает движения, а таскать с собой сменные вещи в горах невозможно. Возвращение — лучший выход.

Лу Лю обожал слушать рассказы Ли Фэна о горах. Это был мир, с которым он никогда раньше не сталкивался.

Великие горы были глубокими и таинственными, полными опасностей и чудес, которые он не мог себе даже вообразить. Там росли неведомые травы, жили диковинные звери, и даже насекомых было столько, что он и половины не видывал.

Тогда у него родилась простая, бесхитростная мысль, которой он поделился с мужем:

— Неудивительно, что дикие фазаны вкуснее домашних кур. Я слышал, их мясо плотнее, нежнее и слаще. Видать, они там каждый день едят досыта.

«Нагуляли жирок — и цена на них выше».

Сам он ловил насекомых для кур в основном на огородах.

Теперь же, живя у самого леса, он решил в следующем году наловить лесных букашек. Чтобы вырастить самых вкусных и сладких домашних кур!

От этих мыслей на душе у Лу Лю становилось светло. Он налил в ванну горячей воды, бросил туда растертые мыльные бобы, а пока они отмокали, покормил Эр-хуана. Затем он нашел бамбуковую щетку, привязал её к длинной палке и принялся с силой тереть ванну.

Вымыв её один раз, он ополоснул её чистой холодной водой.

Повторив это несколько раз, он оставил ванну сохнуть во дворе.

За всеми этими хлопотами солнце начало клониться к закату. Дел оставалось немного. Лу Лю притомился, присел и достал корзинку с рукоделием — нужно было доделать перчатки.

Он хотел сшить их для обоих отцов и брата — всего три пары. Две были уже готовы.

Супруг Яо подарил ему одну пару, но Лу Лю уже носил их сам, так что дарить их было неудобно. Пришлось поторопиться.

Как говорится, после Лаба — уже Новый год.

Оставалось всего два дня, нужно было успеть до праздничных визитов.

Ещё Лу Лю хотел сшить несколько шапок. Сейчас он носил шапку Ли Фэна, меховую и очень теплую.

Она была ему великовата, тяжелая и постоянно сползала, но зато в ней было совсем не холодно.

Он как-то спросил Ли Фэна, можно ли продавать такие перчатки и шапки. Ли Фэн ответил утвердительно: на этом можно заработать.

Матушка и Шунь-гээр частенько мастерили меховые изделия. Кроме шапок и перчаток, они шили жилеты, безрукавки и даже шубы. Они были мастерами своего дела — работали быстро и качественно.

Это известие и обрадовало, и встревожило Лу Лю. Раз это приносит деньги, он тоже будет этим заниматься.

Но не слишком ли это — дарить сразу три пары вещей, которые можно продать?

Ли Фэн, впрочем, не возражал, лишь советовал сначала набить руку. Все равно в доме полно обрезков меха.

Когда солнце окончательно скрылось за горизонтом, Лу Лю принялся убирать двор.

Ванну он трогать не стал — подождет, пока Ли Фэн поможет её занести. Бумажные цветы он перенес в другую комнату: они дождутся праздника Лаба, чтобы украсить голову мула.

Вяленое мясо он снимал по одному куску, а бамбуковые шесты оставил — завтра они снова понадобятся.

Служба Эр-хуана по охране двора закончилась, и он мог вернуться в свой дом.

Пес с восторгом кувыркался в свежей соломе, то и дело зарываясь в неё с головой. Он был вне себя от радости.

Эр-хуан не умел говорить, но Лу Лю, стоя рядом, кожей чувствовал его ликование. Настроение поднялось, и, вернувшись на кухню готовить ужин, юноша даже замурлыкал под нос какую-то незатейливую мелодию.

В горных деревнях почти все умели петь народные песни.

Лу Лю не умел, но, услышав пару куплетов от супруга Яо, загорелся желанием научиться.

На ужин он решил приготовить что-нибудь жареное.

Ли Фэн несколько дней подряд ел рыбный суп, так что сегодня рыбы не будет.

Лу Лю применил свою маленькую хитрость по экономии: после того как он обжарил ломтики мяса с овощами, он выловил их и сварил на них суп.

Основой супа была зелень, мяса — всего ничего, да и то уже раз обжаренное. Он не стал класть много овощей, просто добавил воды к мясному духу, бросил обжаренные ломтики и сварил ровно одну миску наваристого бульона.

Главным блюдом была редька, тушенная в соусе. Он нарезал её крупными треугольными кубиками, сначала отварил в воде, а затем выложил на сковороду, добавил густого соуса, перемешал и немного потушил под крышкой.

Когда редька пропиталась соусом, она стала соленой и ароматной. Один такой кусочек позволял съесть две порции риса.

Когда всё было готово, Лу Лю снова выбежал за ворота встречать мужа.

На улице было студено. Ли Фэн просил его не ждать снаружи, но Лу Лю лишь кротко улыбался и тут же забывал об обещании.

Теперь, в большой меховой шапке, спрятав руки в рукава и закутавшись в плотную ватную куртку, он не боялся ветра. Ему просто хотелось поскорее увидеть Ли Фэна.

У Ли Фэна был зоркий глаз, темнота не мешала ему видеть супруга.

Лу Лю ещё не успел отъестся, и даже в тяжелой зимней одежде казался хрупким. Его кожа была такой белой, что в слабом свете фонаря он казался горным духом.

С этого ракурса его мягкое, нежное лицо обрело какую-то колдовскую притягательность, словно он был искушением, заставляющим охотника спешить к нему со всех ног.

Ли Фэн подошел совсем близко, и только тогда Лу Лю поднял фонарь с земли.

Было слишком холодно, чтобы держать его в руках всё время.

Ли Фэн мельком взглянул на фонарь, но не стал говорить Лу Лю, что тот стоял здесь, словно прекрасный горный оборотень.

Вернувшись домой, он первым делом отвел мула в загон и накормил его. Заметив там клетки с кроликами, он испугался, что мул может их раздавить, и перенес клетки обратно в конуру к псу.

Эр-хуан обиженно заскулил и залаял.

Ли Фэн, несмотря на всё свое зрение и чутье, не сразу заметил, что солому сменили, и прикрикнул на пса, чтобы тот не капризничал.

— Откормим их — и тебе кроличья лапка перепадет. Веди себя смирно.

Эр-хуан замолк.

Но взгляд, которым он провожал клетки, был полон вселенской скорби.

Когда Ли Фэн вошел в дом, Лу Лю уже приготовил ему горячую воду и чистое полотенце, чтобы тот умылся.

Вслед за этим на столе появились два блюда и суп. Рис был уже разложен по чашкам, и супруги сели ужинать.

Ли Фэн упомянул о странном поведении пса:

— Надо будет на досуге построить крольчатник. Эр-хуан явно не в восторге от такого соседства.

Лу Лю рассказал, как сменил солому. Ли Фэн на мгновение замер, а потом со смехом выругался:

— Ах ты, паршивец! А я-то гадаю, чего он на меня дуется. Оказывается, ты его совсем разбаловал.

Лу Лю хихикнул:

— Он же меня «папочкой» называет. Так что это мой долг, мой долг.

Хоть Ли Фэн и ворчал, на душе у него было радостно.

Он относился к охотничьим псам как к сыновьям, и многие охотники в деревне поступали так же. Но жены и супруги редко это понимали: для них скотина была лишь скотиной. Бывали и такие, кто кусок изо рта у собаки вырывал, лишь бы та лишнего не съела.

То, что Лу Лю так заботился об Эр-хуане, тронуло его до глубины души. Ещё не начав есть, он принялся подкладывать Лу Лю лучшие кусочки.

И тут Ли Фэну пришла в голову одна мысль.

На пиру за лучшие блюда приходится сражаться. Его маленький супруг такой тихий и нежный — как он будет отвоевывать еду? Как бы не остался с пустой чашкой да в слезах.

Может, попросить матушку Сань Мяо отложить для него порцию?

«Хотя нет... Это нехорошо. Если другие увидят, тоже начнут просить, и хозяйке будет неловко».

Ли Фэн спросил Лу Лю:

— А ты умеешь «хватать» еду?

Лу Лю не понял:

— А? Хватать какую еду?

Ли Фэн решил проверить. За зелень бороться смысла нет, так что он представил, что кубики редьки — это жирная свинина. Их и подцепить-то непросто, отличная тренировка.

Лу Лю всё ещё не понимал, к чему клонит муж, но раз Ли Фэн решил поиграть в «перехват», он не стал отказываться.

Сначала Ли Фэн хотел поддаться Лу Лю: двигал палочками медленно, не в полную силу. Но он и представить не мог, на что способен его супруг! Тот, кто казался таким хрупким и мягким, в битве за еду даже бровью не повел. Каждое движение его руки было точным, а хватка — железной.

Ли Фэну пришлось всерьез сосредоточиться, чтобы не уступать. А Лу Лю, с самым невинным

видом, ещё и похвалил его:

— Да Фэн, ты такой ловкий!

Ли Фэн не выдержал:

— Это ты у меня мастер.

Лу Лю улыбнулся:

— Давненько я так за еду не сражался.

Раньше его семья была слабой, и стоило им выйти на улицу, как их начинали задирать. Даже во время обеда находились те, кто норовил стащить кусок.

Прогнать этих наглецов было невозможно — они всегда прикрывались тем, что зашли «в гости». Ругаться с ними было бесполезно. Родственники помогали, но не могли же они дежурить у них за столом каждый день?

Еда — это самое важное. Если не наешься, то и сил ни на что не будет. А ради чего их семья трудилась в поте лица? Ради того, чтобы было что в котел положить.

Лу Лю с малых лет привык бороться за каждый кусок. Сначала у него ничего не получалось, но потом, когда он начал ловить насекомых, он сначала боялся брать их руками и пользовался палочками. Так, сам того не желая, он и натренировался.

Еда в тарелке лежит смирно, а насекомые так и норовят уползти. Он практиковался годами, и в искусстве владения палочками мало кто мог с ним сравниться.

Он произнес это легко, с улыбкой, но у Ли Фэна защемило сердце. Он снова принялся подкладывать Лу Лю еду, пока в его чашке не выросла целая гора. Лу Лю, не заметив, что сболтнул лишнего, просто радовался заботе. Он улыбался, а его глаза чуть покраснели.

Он хотел съесть всё до последней крошки, но переоценил свои силы. Когда в чашке осталась ещё половина, Ли Фэн забрал её и в два-три счета доел сам.

Лу Лю смотрел, как он ест, и рассказывал о домашних делах:

— Бумажные цветы я нашел и просушил. Ванну тоже приготовил, сегодня отмыл, завтра будем греться. Я тоже хочу помыться... Можно мне с тобой, вместе?

Ли Фэн обладал завидной выдержкой, он не поперхнулся, но повторил каждое слово, словно пробуя его на вкус:

— Ты... со мной... вместе... мыться?

Дома Лу Лю всегда мылся вместе с отцом — так экономили и воду, и дрова.

Вот и сейчас он думал так же: раз уж воду всё равно греть, зачем тратить её на одного?

Ли Фэн посмотрел на его серьезное лицо, на ясные, чистые глаза и кивнул:

— Хорошо. Завтра помоемся.

Хоть мыться собирались только завтра, Ли Фэн развил бурную деятельность уже сегодня вечером.

Он обошел все комнаты в доме, прикидывая, где лучше поставить ванну.

В итоге он выбрал небольшую пристройку. Раньше там жил Шунь-гээр. Денег тогда было в обрез, так что он спал на маленькой кровати, а кан так и не сложили, и в конце концов парень переехал.

Там лежали дрова, аккуратно наколотые. Часть уже использовали, а Ли Фэн давно не брался за топор, так что комната наполовину опустела.

Обладая недюжинной силой, он перетащил гору дров на кухню, забив ими все углы. Затем он вымел пристройку и повесил к балкам бамбуковые циновки, чтобы защититься от сквозняка.

В доме были ещё и соломенные маты. Их связывали в пышные пучки и использовали для утепления загонов. Ли Фэн плел их на досуге, чтобы мул и пес не мерзли.

Теперь же, заботясь о супруге, он поверх бамбуковых циновок повесил ещё и соломенные занавеси.

Стоило их запахнуть — и получался уютный уголок для купания.

Лу Лю заглянул внутрь. За занавесками места хватало как раз для ванны. Циновки и маты окружали её плотным кольцом. В этом тесном, скрытом от глаз месте ему предстояло оказаться вместе с Ли Фэном... причем обоим — совершенно нагими. Лицо Лу Лю мгновенно вспыхнуло, а по телу разлился жар.

Ли Фэн бросил на него косой взгляд и, не говоря ни слова, сгреб в охапку, крепко целуя.

Его ладонь была такой огромной, что могла почти целиком обхватить талию Лу Лю. Руки мужа уверенно скользили по его телу, заставляя юношу тихонько постанывать и пытаться увернуться.

Но Лу Лю никогда не отталкивал Ли Фэна. Задыхаясь от поцелуев, он лишь смотрел на него влажными глазами, полными немой мольбы.

Ли Фэн на мгновение оставил его губы, давая перевести дух, но тут же принялся осыпать поцелуями его шею и плечи.

Лу Лю был человеком простым. Раньше он никогда не изучал свое тело, не ласкал себя. Все прикосновения, которые он познал, исходили от Ли Фэна. Его грубые, мозолистые ладони вызывали у юноши то сладкий зуд, то нестерпимый жар.

Мягкие губы Ли Фэна, ставшие чуть сухими и шершавыми от ветра, дразнили кожу.

Ватная куртка была сброшена, грудь обнажена. Ли Фэн склонился к нему, и в этом неистовом, но по-своему упорядоченном хаосе ласк Лу Лю метался между стыдом и восторгом. В конце концов муж снова закутал его в одежду, подхватил на руки и унес в спальню.

В ту ночь они наслаждались друг другом, а на следующий день пришло время купания.

Поскольку на следующее утро нужно было рано вставать на встречу новобрачных, Ли Фэн и остальные решили отдохнуть после обеда и не стали толочь рисовые лепешки.

Лу Лю с самого утра ходил с пунцовыми щеками, и даже когда увидел Ли Фэна, не смог прийти в себя. Он запинаясь, не в силах связать и двух слов, и когда Ли Фэн завел его за занавеску, он лишь глупо хлопал глазами.

Когда Ли Фэн ведро за ведром наполнил ванну горячей водой, Лу Лю попытался было возразить:

— Может... ты сначала? Ванна-то совсем маленькая.

Ли Фэн и слушать не стал.

Лу Лю: — ...

Ему уже не хотелось мыться, лучше уж помереть грязным.

Ли Фэн нежно коснулся губами его щеки и спросил:

— Ты ведь хочешь детей?

Лу Лю хотел. Он посмотрел на ванну, потом на Ли Фэна и, уже расстегивая куртку, предупредил:

— Только чур сегодня не целоваться.

Ли Фэн пообещал, и Лу Лю, поверив ему на слово, быстро разделся и скользнул в воду.

Ванна была глубокой. Ли Фэн вошел следом, предварительно подхватив супруга на руки и бережно опустив его в воду.

Вода была прозрачной. Лу Лю, окутанный теплом, всё ещё смущался и сжался в комочек, подставив под взгляд мужа лишь свою гладкую, худощавую спину.

Когда Ли Фэн погрузился в воду, её уровень заметно поднялся. Лу Лю был ростом пониже, так что ему приходилось держать голову высоко, иначе он рисковал нахлебаться мыльной воды.

Купание приносило несказанное удовольствие. Теплая вода мягко сдавливала тело, усталость и тревоги растворялись в ней, уступая место блаженному покою.

Лицо Лу Лю покраснелось от пара и стыда. Ли Фэн ласково повернул его к себе, любуясь его ярким румянцем, и прошептал, что он очень красив:

— Совсем как в день нашей свадьбы.

Лу Лю замер.

«Как в день свадьбы?» Он помнил, что тогда его лицо и губы были покрашены слишком ярко. Ему это казалось нелепым и уродливым. Неужели он и впрямь был красив?

Он недоверчиво переспросил:

— Правда красиво?

Ли Фэн не лгал:

— Правда.

Лу Лю захлопал ресницами, втайне пожалев, что не купил румяна.

Будь у него румяна, его щеки всегда были бы алыми, и Ли Фэн всегда бы им любовался. И даже когда правда о подмене вскроется, он, быть может, всё равно будет его любить.

Его взгляд внезапно потускнел. Ли Фэн поцеловал его и спросил:

— Что случилось?

Лу Лю вздохнул:

— На ярмарке я не стал покупать румяна вместе с супругом Яо. Думал, тебе не понравится... Теперь и не знаю, когда снова выберемся в город.

Сердце Ли Фэна смягчилось.

— Через несколько дней будет ярмарка, я сам тебе их куплю.

В тот вечер они легли спать пораньше, а когда проснулись, наступил праздник Лаба.

Ли Фэн был бодр и полон сил, несмотря на ранний час.

Он управился с мулом, повязал ему на голову бумажные цветы, а сам подпоясался красным кушаком. Затем он усадил Лу Лю на телегу, и они отправились к дому Сань Мяо на пир.

Многие жители деревни тоже спешили на праздник. Да Цян и супруг Яо вышли из дома ни свет ни заря. Они были родственниками, и Да Цян сегодня должен был помогать встречать невесту.

Две семьи столкнулись на дороге, и супруг Яо завел разговор с Лу Лю.

Лу Лю сидел на телеге, прислонившись к спине Ли Фэна, и то и дело клевал носом — он ещё не совсем проснулся.

Супруг Яо, который уже давно был замужем и набрался смелости в разговорах с другими женами, спросил прямо при мужьях:

— Что такое, Лу Лю? Опять с кан встать не можешь?

Лу Лю, пребывая в полудреме, ответил невпопад:

— Да встал я...

Супруг Яо хихикнул:

— Тело-то твое встало, а душа, видать, ещё там осталась!

Лу Лю, не учуяв подвоха, простодушно улыбнулся:

— А твоя?

Супруг Яо: — ...

«Этот Лу Лю совершенно не умеет вести беседу!»

Будь он в таком же состоянии, разве был бы он так бодр!

Ли Фэн едва сдерживал смех.

Ли Цяну стало неловко, и он попросил супруга Яо почесать ему спину, придираясь то к одному месту, то к другому, лишь бы тот перестал подшучивать над Лу Лю.

Почесав немного, супруг Яо возмутился:

— Это что же, я с постели поднялся только ради того, чтобы тебя чесать? Видать, у тебя кожа чешется, побоев просит!

Сказав это, он пару раз звонко шлепнул Ли Цяна по спине и снова обратился к Лу Лю:

— У Сань Мяо на столах будет богато, они припасли много мяса. Я обожаю змеиную похлебку, попросил тетюшку оставить мне мисочку. Хочешь? Я поделюсь с тобой.

С тех пор как Лу Лю угостил его мясным пирогом, супруг Яо проникся к нему симпатией и теперь был рад угостить его в ответ.

Лу Лю никогда не пробовал змеиное мясо и до смерти боялся змей. Сон как рукой сняло, он лишь отчаянно затряс головой: нет, ни за что.

Супруг Яо решил взять его «на слабо»:

— Да чего ты боишься? Твой Да Фэн змей обожает! Он их сам ловит! Если ты будешь бояться, он потом к другому супругу пойдет, чтобы тот ему змею приготовил!

Глаза Лу Лю округлились, он даже голос повысил:

— Я не боюсь!

Супруг Яо расхохотался так, что чуть с телеги не свалился.

Лу Лю густо покраснел и даже отодвинулся от Ли Фэна, не смея больше к нему прислоняться. Ли Фэн протянул руку, сжал его ладонь и успокоил:

— Я не так уж часто ем змей.

Дома он их почти не ел. Раньше он был бобылем, а когда Эр Тянь женился, он и вовсе перестал бывать дома — уходил в горы на месяцы, и питался тем, что там находил.

В лесу змей полно, на каждом шагу можно поймать. Он их там же и готовил, так что дома по ним не скучал. А тех, что удавалось принести в деревню, он обычно продавал.

Но Лу Лю мог бы попробовать змеиную похлебку ради интереса. Её режут кусочками, и если не вглядываться, то и не поймешь, что это змея.

Змеиное мясо очень питательно. Его режут ломтиками, отделяют кости, добавляют грибы, древесные ушки и долго томят. Получается ароматный, сладковатый бульон, а мясо такое нежное, что его легко принять за рыбу.

Лу Лю ещё не избавился от своего детского чревоугодия, и, послушав Ли Фэна, снова захотел попробовать.

Он спросил:

— Тогда... может, я и впрямь возьму у супруга Яо пару кусочков?

Ли Фэн, вспоминая мастерство Лу Лю в обращении с палочками, подумал, что его супругу вряд ли придется просить у кого-то еду. Лу Лю обещал стать настоящим грозой праздничного стола.

За разговорами и шутками они добрались до Новой деревни. Лу Лю первым делом пошел в дом к матушке и Шунь-гээр. Супруг Яо отправился помогать семье Сань Мяо, и на прощание

крикнул Лу Лю:

— Не волнуйся, я о тебе позабочусь! Принесу тебе чего-нибудь вкусенького!

Шунь-гээр проснулся рано, и, услышав шум во дворе, выглянул наружу. Как раз в этот момент он услышал слова супруга Яо и уставился на Лу Лю своими огромными блестящими глазами.

— Супруг брата! И мне принеси!

Он был младше обоих братьев, и детство его выдалось суровым. К счастью, Чэнь Гуй-чжи была женщиной бойкой, и никто не смел отбирать у них еду. Когда матушка стояла у плиты, в его чашке всегда было вдоволь еды, так что дома ему сражаться не приходилось.

В деревне свадьбы случались нечасто — от силы четыре-пять раз в год. И каждый раз на пиру он не успевал ухватить лучший кусок!

Только если он сидел рядом с матерью, ему перепадало мясо.

Но теперь всё изменилось — у него появился талантливый супруг брата. Теперь он съест в два раза больше мяса!

Лу Лю и не подозревал о своих талантах, но, видя надежду в глазах младшего брата, решил, что раз он теперь старший, то не может его подвести.

Сегодня он приложит все свои силы, чтобы Шунь-гээр наелся досыта!

Утром он помогал по хозяйству, особенно на кухне: всё вычистил, расставил по местам. Даже баночки с солью и маслом протер до блеска — в комнате сразу стало свежо.

Чэнь Гуй-чжи не заставляла его работать, велела отдыхать.

Они ели из разных котлов, так что это было почти как раздел имущества. Раньше её содержал старший сын, теперь — второй, и никто не мог упрекнуть её в предвзятости.

Раз уж формально они жили отдельно, Чэнь Гуй-чжи не считала нужным нагружать Лу Лю работой.

У неё было дело к нему. В последнее время она съела уже два свиных желудка, и на душе у неё было беспокойно. Пользуясь тем, что Ли Фэна нет рядом, она решила расспросить Лу Лю.

Но Лу Лю оказался парнем честным и работающим: едва услышав вопрос, он тут же принялся

искать себе дело и в итоге вылизал всю кухню дочиста.

Только когда Чэнь Гуй-чжи напустила на себя суровый вид, Лу Лю испугался и послушно пошел за свекровью в комнату. Иначе он бы и там всё перемыл.

В комнате Чэнь Гуй-чжи стояли стол и стулья, окно выходило на восток, так что днем там было светло и просторно.

Она велела Лу Лю сесть. Стол стоял у окна, они сели друг напротив друга.

Она пристально посмотрела на него и спросила:

— Почему это Да Фэн в последнее время постоянно просит тебя готовить мне свиные желудки? Вы что, разбогатели? Деньги карман жмут?

Лу Лю не смел поднять глаз. Он понимал, что это из-за его собственной никчемности Ли Фэну приходится так хлопотать, и ответил очень тихо:

— Он о вас беспокоится. Говорит, вы их любите. Когда закупали продукты к праздникам, взяли много мяса, ну и желудки заодно прихватили. Велел мне приготовить и вам отнести.

На вопрос, сколько их было, Лу Лю ответил: три.

— Остался ещё один, на днях приготовлю.

Стояли холода, еда хранилась долго. Жаль только, что снег не шел постоянно, иначе можно было бы растянуть удовольствие. А теперь приходилось готовить один за другим, пока не надоест.

Чэнь Гуй-чжи нахмурилась ещё сильнее. Три желудка, и два она уже съела... Что это за дела?

Она спросила снова:

— Это ты его надоумил купить?

Лу Лю замахал руками:

— Нет-нет, не я! Я и не знал, что вы их любите. Я сам-то их раньше никогда не пробовал.

Чэнь Гуй-чжи решила его припугнуть:

— Значит, он в чем-то провинился. Двадцать лет о матери не вспоминал, а тут вдруг — на тебе, столько желудков сразу. Чую, нечисто тут дело!

Она попала в самую точку, но Лу Лю об этом не знал.

Он лишь пытался выгородить мужа и в спешке сболтнул лишнего:

— Он сказал... что если я приготовлю вкусный желудок и вы его съедите, то вы и меня полюбите.

Чэнь Гуй-чжи: — ...

«Неужели я такая злая свекровь, что меня надо так задабривать?»

Она холодно хмыкнула. Сегодня она непременно вытрясет всю правду из Да Фэна.

А пока она отпустила Лу Лю поиграть с Шунь-гээр.

Лу Лю нашел Шунь-гээр, чувствуя, как сердце уходит в пятки.

Когда Шунь-гээр спросил, в чем дело, Лу Лю пересказал разговор.

Парень удивился:

— Если вы ни в чем не виноваты, зачем так задабривать мою матушку?

Лу Лю подумал и ответил:

— Наверное, потому что мы не можем быть рядом и заботиться о ней каждый день. Мы живем далеко, вот и передаем гостинцы.

Шунь-гээр решил, что это звучит разумно.

Ради того, чтобы на пиру всем досталось побольше мяса, и ради мира в семье, он решил по-своему вразумить Чэнь Гуй-чжи.

Матушка лишь ответила:

— И ты туда же, голова садовая.

«Голова садовая» Шунь-гээр и «голова садовая» Лу Лю пораньше отправились к дому Сань Мяо — посмотреть на собак.

Лу Лю долго и красочно расписывал, какой бедный и несчастный Эр-хуан: влюбился в единственную собаку, но с таким суровым хозяином его ждет лишь разбитое сердце.

В деревне рассказчиков не было, так что такие истории были в новинку. Шунь-гээр, который сам был в том возрасте, когда сердце начинает трепетать, проникся трагичной любовью пса и повел Лу Лю знакомиться с красавицей-собакой из семьи Сань Мяо.

<http://bllate.org/book/16991/1589173>